

ется ужесточение юридической ответственности. Каждый чиновник должен всегда иметь в виду, что поучаствовав в коррупционных схемах, он неотвратимо должен нести повышенную юридическую ответственность, ибо работа на госслужбе сопряжена с интересами государства и общества в целом. Вместе с тем, несмотря на грозные заявления первых лиц государства, было смягчено уголовное наказание за экономические преступления, что представляется неадекватным посылом о борьбе с коррупцией.

Однако, помимо ужесточения, необходимо добиваться исполнения принципа неотвратимости наказания. Сегодня, несмотря на то, что следователями СК РФ в 2010 году завершено расследование 6,4 тыс. уголовных дел о коррупции, специалистами отмечается высокий уровень латентности коррупционных преступлений. При этом за такие преступления чаще привлекаются лица невысокого правового и социального статуса.

Конечно, в рамках данной работы невозможно осветить все изъяны российского антикоррупционного законодательства. Но, учитывая размах коррупции в стране, принятие озвученных мер будет содействовать более эффективному пресечению коррупции, сделает антикоррупционное законодательство более понятным и справедливым с позиции большинства членов общества. Очевидно, что медлить нельзя, ибо масштабы коррупции больно бьют по фундаменту российской государственности.

О НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ СОПРОТИВЛЕНИЯ РЕЖИМУ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1930-Х ГОДАХ¹

Уйманов В.Н.

Кандидат исторических наук, заместитель руководителя ГУ МЧС РФ по Томской области, советник Государственной гражданской службы 1-го класса

Жестокость проводимой государством политики к раскулаченным и выселяемому населению порождала ответную реакцию в виде сопротивления, которое могло проявляться в многочисленных побегах с мест расселения, либо в активной форме – восстаниях. В исторической литературе опубликовано немного работ, подробно рассматривающих сопротивление спецпереселенцев режиму. Чаще всего исследователи приводят отдельные статистические данные, отражающие это сопротивление, без должной на то оценки. Вне всякого сомнения, эта статистика не в полной мере является объективной, так как советской власти было выгодно показывать борьбу врагов с ней, всячески усиливая эти моменты. Сегодня уже достаточно подробно описаны действия правоохранительных структур, которые особенно в 1920-1930-е годы, да и позднее, выполняя заказ партийного руководства страной, могли раздуть «из мухи слона», ведь это было выгодно и им самим, демонстрировалась их значимость и необходимость в борьбе с врагами на пути советского народа к «светлому будущему».

В Западной Сибири в начале 1930-х годов произошло несколько восстаний доведённых до отчаяния спецпереселенцев, одним из них стало Чаинское. Это восстание интересно не только как проявление сопротивления

режиму, но и как свидетельство фабрикации уголовного дела, так как в показаниях допрашиваемых следователь вкладывал термины и оценки произошедшего, никак не характерные для их общения, а показания содержали факты, о которых переселенцам не могло быть известно и т.п. Следователю добился нужного ему результата путём набора большого количества показаний участников и очевидцев, часто не перепроверенных и бездоказательных, проявив при этом «служебное рвение», революционное правосознание и классовый подход. Как следствие его деятельности – вскрытие преступных замыслов «врагов» государства и их разоблачение.

В обвинительном заключении по уголовному делу по Чаинскому восстанию¹ оперуполномоченный оперативного отдела Томского оперативно-госектора ОГПУ Ушаков 29 сентября 1931 г. указал, что в нём приняло участие около 1000 человек.

Вдохновителем и организатором восстания на территории Парбигской комендатуры ОГПУ в конце июля – начале августа 1931 г. следователь ОГПУ объявил высланного из г.Ленинска кулака Георгия (правильно Григория) Егоровича Ускова, приписав к его прошлому владение кирпичным заводом, что не соответствовало действительности. Его ближайшим помощником был назван «тоже владелец кирпичных заводов, кулак Ленинского района» Андрей Иванович Медведев.

Организаторская роль Г.Ускова сводилась к тому, что он «с целью втянуть кулачество в контрреволюционную работу и проверки каждого в отдельности в части возможности использования его в контрреволюционных целях, вызывал по отдельности к себе в палатку и с ними вёл беседу о тяжёлой жизни спецпереселенцев, малом пайке и т.д., а 3-го июля устроил полулегальное собрание кулаков Ленинского района, на которое были приглашены представители других районов, как-то: Прокопьевского, Тальменского, Кузнецкого и др., расселённых по соседству с Ленинским, под предлогом обсуждения вопроса посылки делегации в Край с ходатайством о прибавке пайка спецпереселенцам. Усков в своей речи присутствующим говорил, что нас, спецпереселенцев, в скором времени ожидает голодная смерть, так как на главной базе в Бакчаре для снабжения спецпереселенцев продовольствия осталось на несколько дней. А поэтому нужно послать делегатов в Край, просить прибавки пайка. Если же Край откажет в ходатайстве, то нам нужно в защиту себя что-то предпринимать».

Хотели следователи или сделано это было по недомыслию, но они практически констатировали тяжелейшие условия переселенцев. К этому стоит добавить, что земли, на которых расселили последних, практически не были пригодны для активной сельскохозяйственной деятельности – болота, тайга. В соседних комендатурах ситуация была ещё сложнее. Именно тяжёлое материальное положение спецпереселенцев, на мой взгляд, а не контрреволюционные цели и задачи привели к акту неповиновения властям и режиму.

Согласно материалов уголовного дела Усков через несколько дней собрал второе нелегальное собрание (но ведь первое таковым объявлено не было – В.У.), на котором было принято решение о посылке людей для «контрреволюционной работы» на другие участки, что и было сделано, Агитаторы должны были проводить работу под лозунгом «Долой комму-

¹ Опубликовано при финансовой поддержке РГНФ. № проекта РГНФ 11-11-70005 а/т.

¹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П - 14075. Т.2. Л. 744 - 763.

направление на Галкинский комбинат... Были обстреляны из засады и бежали в тайгу...»¹.

По официальным данным, восставшие потеряли в этом бою более 20 чел. убитыми и в панике отступили в Крыловку, где Усков устроил очередное совещание командиров.

Для ликвидации восстания власти направили кавалерийский взвод Томской милиции и сводные партийные отряды Колпашевского, Кривошеинского и Чаинского районов. Руководство подавлением восстания осуществлял начальник Томского оперсектора ОГПУ Плахов².

Отряды выступили против повстанцев в ночь на 1 августа, уничтожая по пути «бандитские заставы» и разбивая отдельные «бандгруппы». В пос. Бундюр были освобождены 8 работников комендатуры, арестованных бандой, и 1 августа утром в пос. Крыловка, в «момент устроенного Усковым совещания штаба, был нанесён решительный удар повстанцам». Во время перестрелки были убиты Усков, ряд командиров (было предположение (и только), что был убит и ближайший помощник Ускова – Медведев) и около 50 человек активных участников. Часть повстанцев скрылась в густой тайге.

Представленные следователем Ушаковым материалы следствия были «убедительными», полностью «подтверждая» совершенное преступление, с чем и согласился в[ременный] начальник Томского оперсектора Краузе³, утвердив обвинительное заключение.

Сегодня уже многочисленными исследованиями доказано, что сотрудниками НКВД в те годы в следственной работе широко практиковалось «усиление» информации для «изобличения» преступников. Следует отметить и то, что мы знакомимся не с собственноручно написанными показаниями участников восстания, а с протоколами, составленными следователем в интерпретации необходимой для показа их преступной деятельности. По этой причине в материалах следствия прослеживается наличие только обвинительного уклона, что необходимо учитывать при рассмотрении материалов следствия по делу.

За время восстания со стороны восставших было убито более 100 человек, со стороны партийных отрядов потери составили 2 человека убитыми, ещё двое умерли позднее от полученных ран и четверо были ранены⁴.

¹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П – 14075. Т. 1. Л. 9 – 10.

² Плахов Михаил Афанасьевич, 1898 г.р., ур. Орловской губ., в РКП (б) с 1919 г. Образование – низшее. В органах ВЧК с декабря 1920 г., служил на Украине, Урале, с 1929 г. – начальник Барабинского окротдела ОГПУ. С 1 октября 1930 г. – начальник Томского оперсектора ОГПУ, в апреле 1932 г. вновь переведён на Урал. В 1937 г. исключён из рядов ВКП (б), уволен из органов НКВД и арестован. Через 23 месяца следствия в мае 1939 г. дело было прекращено, из-под стражи освобождён. Дальнейшая судьба неизвестна.

³ Краузе Ян Мартынович, 1901 г.р., ур. г. Рига, латыш. В органах ВЧК с марта 1921 г., с 1922 г. проходил службу в Сибири на различных должностях. В августе 1931 г. – помощник, а с апреля 1932 г. – начальник Томского оперсектора ОГПУ. С января 1935 г. – начальник Омского оперсектора, а затем начальник ЭКО УНКВД по Омской области. С 1936 г. – заместитель начальника ЭКО УНКВД по Ленинградской области. В мае 1937 г. назначен заместителем начальника Управления Рабоче-Крестьянской милиции по борьбе с хищениями социалистической собственности. Арестован в 1939 г. Расстрелян.

⁴ Томский историк профессор В.Бойко считает, что общее число потерь поселенцев и местных жителей не менее 200 – 250 человек. См.: Бойко В. Чаинское восстание крестьян // Народная трибуна. 1991. 13 авг. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: В 5 т. – Т.3. – С.173.

Полагаю, что названная цифра жертв со стороны восставших приближительная, но соответствует реальному положению дел. Ведь ликвидация крупного антисоветского выступления – это достижение, а значит награды, повышения по службе и т.п. Поэтому резона занижать цифры вроде бы и нет, но это всё-таки предположение. Ведь, с другой стороны, могли и наказать за просмотр такого крупного восстания.

У восставших при ликвидации восстания было изъято около (здесь и далее выделено мною – В.У.) 10 трёхлинейных винтовок и более 100 единиц «разного охоторужия». При стычках под Высоким Яром и Крыловкой был отбит обоз, около 300 подвод. Очередные «точные» цифры. Хотя Н.А. Быховец¹ на допросе 2 августа 1931 г. показал, что «всё оружие в банде было небольшое – 15 винтовок и 200 охотничьих ружей и 1 воз боеприпасов (порох и дробь)».

Следствие по делу началось практически сразу после разгрома восстания. Первые допросы датированы 1 августа. Было задержано несколько сот человек. Свидетельством этому являются два списка, имеющиеся в деле, в каждом из них более ста фамилий. После проведённой фильтрации уполномоченный Ушаков 18 и 28 августа 1931 г. вынес постановления об избрании меры пресечения – содержание под стражей, для 164 человек, обвинённых в участии в восстании. С постановлениями согласился оперуполномоченный Романов, а утвердил – упоминавшийся выше Краузе.

Надо отметить, что восстание насторожило, либо напугало руководство Сиблага. Подтверждением этому может служить приезд в с. Подгорное в период восстания начальника комендантского отдела ПП ОГПУ по ЗСК И. Долгих².

Официальное обвинение по ст. 58-2 УК РСФСР («активное участие с оружием в руках в кулацко-бандитском вооружённом восстании против Советской власти в Чаинском районе») было предъявлено 149 участникам восстания, 43 из которых виновными себя не признали, но на вынесение приговора это не повлияло. 14 человек были освобождены из-под стражи в связи с недоказанностью их участия в восстании, 4 умерли от болезней в период следствия в тюремной больнице. Остальные 135 участников были осуждены 21 октября 1931 г. «тройкой» ПП ОГПУ по ЗСК. К 10 годам концлагерей были приговорены 9 человек, ещё 45 были приговорены к срокам на 3 и 5 лет концлагерей, остальные – на 5 лет концлагерей условно со ссылкой на Север. Уже после вынесения приговора в тюремной больнице скончались от болезней ещё 10 человек³.

¹ Быховец Николай Антонович, 1901 г.р., род. в с. Зубково Чернокурьянского р-на ЗСК, проживал в пос. Истомино, осужден на 5 лет концлагерей условно со ссылкой на Север.

² Долгих Иван Иванович, 1896 г.р., ур. г. Барнаула, возглавил отдел трудовых поселений ПП ОГПУ СССР по Запсибкраю в августе 1930 г., перейдя на эту работу с должности начальника административного отдела Барнаульского окрисполкома. С марта 1938 г. по октябрь 1944 г. занимал руководящие должности в ряде лагерей ГУЛАГа. Был переведён в Москву и назначен на должность заместителя начальника Главного управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных, хотя отдельные исследователи приписывают ему руководство всем ГУЛАГом. В 1945 – 1946 гг. возглавлял спецлагерь МВД № 0324 в г. Шатуре Московской области. С марта 1946 г. по март 1947 г. в резерве кадров, будучи пенсионером МВД. В марте 1947 г. возглавил Южжубасслаг, в августе 1950 г. был уволен по болезни в звании полковника. Умер в 1956 г. Награждён тремя орденами и медалями. В 1937 г. «за успешное проведение хозяйственного и политического освоения трудпоселений в необжитой Нарымской тайге» представлялся к награждению орденом Ленина, но награждение не состоялось.

³ Подсчитано автором по материалам архивно-следственного дела. См.: Уйманов В.Н. Без права

Полагаю уместным привести выдержку из резолюции бюро Чаинского райкома ВКП (б) от 10 августа 1931 г. (с грифами «закрытая часть» и «совершенно секретно»), в которой отмечалось, что «районная оперативная тройка приняла решительные меры [в борьбе с восстанием] – организовала партотряды, своевременно известила ПП ОГПУ и ближайшие районы Колпашево и Кривошеино, последние быстро справились с посылкой партотрядов на помощь Чаинской организации, томский оперсектор правильно учёл положение, выбросил резерв томской милиции, посылка дивизиона войск ПП ОГПУ из Новосибирска также своевременна и оказалась необходимой поддержкой, особенно морально воздействовала на повстанцев, и как необходимое средство борьбы с рассеянными в открытом бою кулачеством по огромной территории тайги Чаинского района». Далее отмечалась активная роль колхозников, в том числе и женщин-колхозниц, в подавлении восстания, которые «дружно вооружились» и «стойко дрались с бандами восставшего кулачества»¹.

Конечно через десять дней после подавления восстания, когда у местных руководителей исчезли преобладавшие в дни восстания в их действиях растерянность и испуг за возможное развитие событий, можно было докладывать начальству, что оказывается это «районная оперативная тройка» приняла все необходимые меры для подавления восстания, что никак не соответствовало действительности. Не могло это руководство не доложить «на верхи» и о том, что «колхозники в огромном большинстве оправдали своё доверие партии, стали действительной, прочной, надёжной опорой Советской власти и партии»². Всего несколько фраз, а перед нами документ, полностью оправдывавший бессилие партийно-советских органов в сложившейся ситуации, реляция о единстве «партии и народа», о преодолении в принципе «несущественных» проблем и трудностей на пути построения «светлого будущего». Обращает на себя внимание и тот момент, что если всё было так успешно «разрешено», то зачем на документе потребовалось устанавливать такие строгие режимные ограничения-грифы.

на жизнь // Земля Чаинская: Сборник научно-популярных очерков к 100-летию с. Подгорное. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 205-227. Исследователь И. Кузнецов без ссылки на источники (с названным делом не знакомился) указал, что «руководители восстания были расстреляны, а остальные его участники получили от 5 до 10 лет исправительно-трудовых лагерей. – См.: Кузнецов И. Знать и помнить (историческое исследование массовых репрессий и реабилитации жертв террора 30-х годов). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. – С. 12. Составители сборника документов «Спецпереселенцы в Западной Сибири» в томе за 1933–1938 гг. назвали цифру участников восстания от 1,5 до 2 тысяч спецпереселенцев (С. 297), а в томе «1939–1945 гг.» со ссылкой на журнал «Исторический архив» № 3 за 1994 г. привели информацию, что в восстании участвовало «до полутора тысяч человек... Организаторы были осуждены, часть активных участников (несколько сотен человек с семьями) отправлены на поселение в отдалённую штрафную Александрово-Ваховскую комендатуру ОГПУ» (См.: с. 299). Данные о числе восставших до 2-х тысяч человек «получили жизнь» из резолюции бюро Чаинского райкома ВКП(б) от 10 августа 1931 г. – См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание... Т. 3. – С. 172–174.

Все вышеприведённые цифры завышены, возможно, для «усиления» информации. Кроме того, названная комендатура, по крайней мере, по материалам дела, не значилась штрафной и автору, непосредственно работавшему с архивно-следственным делом и материалами реабилитации, хранящимися ныне в ЦДНИ ТО, информации о высылке осуждённых в названную комендатуру обнаружено не было.

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939... Т.3. – С.173. В отличие от следователя ОГПУ партийное руководство района считало руководителя восстания Г. Ускова живым, скрывшимся в тайге с наиболее активными участниками восстания.

² Там же.

Важнейшей деталью приведённого документа, на мой взгляд, можно и нужно считать информацию о привлечённых для подавления восстания сил и средств – от сотрудников силовых ведомств до отрядов партийно-советского и комсомольского актива. Эта информация является прямым подтверждением реальности восстания спецпереселенцев и боязни местной власти за его исход, по крайней мере, непосредственно для них.

В последующие годы несколько участников восстания вновь прошли «круги ада» государственного террора. Так, в 1934 г. 10 лет ИТЛ получил Ф.Д. Манаков, в 1937 – 1938 гг. только на территории нынешней Томской области были расстреляны 8 человек¹. Участие в восстании им также «припомнили». Возможно, что где-то в других регионах кто-то ещё был осужден к лишению свободы, либо расстрелян. Уже в 1945 г. на 8 лет ИТЛ и 3 года поражения в правах был осужден рабочий Молчановского райдровотдела М.Н. Морин, скрывавшийся многие годы по подложным документам. В своих показаниях он признал, что ни в каком заговоре против Советской власти не состоял, но «был настроен к Советской власти настолько враждебно, что был готов пойти на любую борьбу против Советской власти, [в] восстании я охотно принял на себя роль организатора повстанческого отряда в деревне Вшивка, имея целью вооружённым путём свергнуть Советскую власть и организовать буржуазный строй (видна рука следователя – В.У.). При этом я поверил... что такие восстания организованы в Омске, Кузнецке, Новосибирске, Томске и думал, что восстал весь народ... Но как только я пришёл к практической работе по организации повстанческого отряда, так сразу же понял несостоятельность этой затеи, и поэтому сформированный отряд послал на восстание, а сам скрылся. При этом, имея в виду в случае того, если меня поймут и чтобы хоть немного смягчить свою вину, я освободил из-под ареста коменданта ОГПУ, которого в начале, когда арестовывал, имел в виду не просто убить, а уничтожить постепенно, с голоду заморить...»².

Последние слова говорят о многом. Человек готов был мстить самым, по его мнению, страшным способом – голодом. Это ли не свидетельство тяжелейших условий проживания спецпереселенцев в тайге и болотах Нарымского края.

По прошествии времени остаётся констатировать, что многого о тех событиях мы никогда так и не узнаем, но помнить о нём обязаны. История этим примером доказывает, что не все безропотно сносили произвол и беззаконие. Наверняка многие из участников восстания понимали обречённость, но нашли в себе силы и мужество бросить вызов государству и его мощной репрессивной машине. Изучение материалов дела однозначно свидетельствует, что восстание было актом отчаяния доведённых людей, не было у них ни чёткой организации, ни вооружения, ни реальных планов реализации своего демарша. Не все из участников разделяли позиции Ускова и его ближайшего окружения, не все понимали для чего это выступление и не осознавали своего участия в нём. Но «бытие» определило это выступление, по сути, голодный бунт. Постарались и следователи, у них всё достаточно причёсано и гладко – враги, да ещё какие.

¹ Подсчитано автором по материалам Книги Памяти «Боль людская».

² Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-14075. Т. 5. С. 215; Боль людская... Т.4. С.209.

Они не стеснялись делать соответствующие акценты на усиление информации, приписывать то, чего и не было, вкладывать в показания обвиняемых нужную им информацию. Многие шито «белыми нитками», но «гуманный суд» не захотел этого увидеть, да и наказания, если смотреть по персоналиям, раздавали также, особо не задумываясь¹.

Последствия и отзвуки восстания ещё неоднократно встречались в архивно-следственных делах Управления ФСБ. Так, например, в 1933 г. были осуждены 11 жителей посёлков Черемхово и Коломинские Гривы за участие в контрреволюционной повстанческой организации, созданной на территории района при участии приехавших из с. Озерно-Кузнецово Угловского р-на ЗСК С.Березикова, К.Новичкова и П.Ефименко. Последний на допросе показал, что «в Нарыме среди кулаков летом 1931 г. существовала большая организация, ставившая своей целью вооружённое восстание и свержение Советской власти, но часть этой организации рано выступила и была разбита. Наши кулаки в числе выступивших не попали и хорошо сделали, так как они до сих пор остались не открытыми и сейчас будут вести подготовку с нами вместе, добываясь одной цели – свержение Соввласти. В Нарыме все кулаки готовы к выступлению, нам тоже здесь нужно подготовиться и уже выступать общими силами, чтобы не было таких провалов, как летом у кулаков в Нарыме...».

Аналогичные показания дали и другие обвиняемые по этому делу. Но что интересно, 10 человек из числа осужденных виновными себя не признали².

Практически одновременно с описанным восстание произошло в бывшем Чумышском районе Запсибкрая. В архиве УФСБ РФ по Новосибирской области хранится архивно-следственное дело, содержащее материалы по этому восстанию.

Летом 1931 г. на севере бывшего Чумаковского района стало группироваться бежавшее с мест поселения «кулачество». К ним примкнули «банды» Горчакова, Девилярова, Зубкова и другие, действовавшие на территории Северного района края. Во вновь сформировавшиеся отряды активно вовлекали местных крестьян, в том числе середняков и бедноту. В сжатые сроки число повстанцев достигло 300 человек, а затем увеличилось до 600. Вооружение, главным образом, состояло из гладкоствольных охотничьих ружей, примерно 30 винтовок и обрезов. Занимая сёла и посёлки, «в первую очередь расправлялись с коммунистами и сельхозактивом, захватывали оружие». Но уже через несколько дней в район восстания стали стягиваться партотряды из сёл Чумаково, Каргат, городов Барабинска и Каинска (ныне г. Куйбышев Новосибирской области). Из Новосибирска для подавления восстания был направлен конный взвод ОГПУ в составе 35 человек.

¹ Реабилитация участников растянулась на 31 год. В марте 1968 г. было вынесено решение о реабилитации первых 4 участников восстания. В июле 1968 г. Президиум Томского областного суда вынес решение о реабилитации ещё 65 человек за отсутствием состава преступления, либо за добровольный отказ от совершения преступления. В числе реабилитированных были лица, осуждённые к разным срокам наказания – от 10 лет концлагерей до ссылки. И только в феврале 1999 г. прокуратурой Томской области были реабилитированы последние 66 человек, проходящих по делу. Чем была вызвана избирательность при пересмотре материалов дела непонятно – объективных причин не усматривается.

² Непонятно по какой причине (возможно в погоне за показателями), но материалы на участников организации не были объединены в одно уголовное дело, все дела были персональными, хранятся в ЦДНИ ТО. Участники организации осуждены на разные сроки лишения свободы.

В течение пяти дней восстание было ликвидировано. Во время боев столкновений восставшие потеряли убитыми 83 человека. Потери со стороны партийных отрядов и формирований ОГПУ составили 12 убитых и 2 раненых. Было захвачено в плен более 200 участников восстания, взяты трофеи – 15 винтовок, 5 револьверов и около 300 охотничьих ружей, большое количество боеприпасов. В ходе начавшегося следствия было арестовано около 400 человек, 349 из которых были помещены под стражу. Коллегией ОГПУ по ст. 59-3 УК РСФСР («Бандитизм») к различным срокам наказания были осуждены 190 участников восстания, т.е. в отличие от «чаинцев» участники этого восстания были признаны обычными бандитами, а это другая статья по отчётам – руководство ПП ОГПУ по ЗСК понимало это очень хорошо¹.

Документы архивов хранят примеры и других вооружённых восстаний этого периода в Западной Сибири. Но чаще всего это были восстания крестьян, постоянно проживавших на какой-то конкретной территории. О других восстаниях спецпереселенцев информации практически нет, чаще всего спецпереселенцы присоединялись к местным выступлениям. Следует отметить, что протест в форме восстаний не мог сыграть какой-либо решающей роли в улучшении их положения, так как им было сложнее объединяться и выступить. Причин, на мой взгляд, этому несколько. Во-первых, мощный психологический удар, нанесённый спецпереселенцам, через разрушение их уклада жизни, разграбления хозяйства, моральные унижения и физические страдания. Во-вторых, срабатывание извечного инстинкта самосохранения – надо было постараться выжить любой ценой в экстремальных условиях, в которые они были помещены. В-третьих, давление на них со стороны представителей власти, через систему постоянного контроля и неусыпного надзора, когда местное население воспринимало спецпереселенцев в качестве ненужного дополнительного бремени, свалившегося на их головы, если уж не в качестве врагов, каковыми спецпереселенцев объявила власть. В-четвёртых, разрозненность, так как далеко не всегда ссыльные из одних и тех же мест селились в одних посёлках. Преодоление этого фактора усложнялось наличием первых трёх. В-пятых, плохое знание мест расселения и окрестностей и отсутствие возможности реально вооружиться, если уж действительно выступать против власти, местное население мало в чём могло помочь, так как оно не было готово к оказанию подобной помощи «врагам». В силу названных причин спецпереселенцы не имели практически никаких шансов достижения, пусть хоть маленькой, но победы. Будучи недостаточно организованными и плохо вооружёнными, они заранее были обречены на поражение, так как не могли противостоять регулярным воинским формированиям. Отсюда и столь неравноценные потери противостоящих сторон.

Другой формой сопротивления спецпереселенцев были побег из мест расселения. Цели у беглецов были разными – от возвращения в родные места для того, чтобы поквитаться с обидчиками, до простого воссоединения с оставшимися на родине членами семей. Отдельным беглецам удавалось добраться до прежних мест проживания, но таковых было немного. Чаще всего это были женщины и дети, на бегство которых власть обращала

¹ Архив УФСБ РФ по Новосибирской области. Д. 13672; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). – Томск, 1995. С. 40-41.

меньше внимания, в то время как задержанным мужчинам грозило усиление наказания в виде расселения в штрафных комендатурах, либо осуждение в лагеря. Тысячи же беглецов просто погибли в тайге и болотах, умерев от голода и болезней, либо, будучи растерзанными зверём. Но, как свидетельствуют документы, бегство носило массовый характер. Так, в справке начальника ОТСП УНКВД по Новосибирской области капитана госбезопасности Бурлака от 1 июня 1943 г. отмечалось, что в период с 1930 по 1942 гг. число бежавших из трудссылки «кулаков» составило 113800 чел., в т.ч. 77041 чел. возвращены не были¹.

В стране, по данным начальника ОТП ГУЛАГа НКВД СССР Тишкова, «за время существования трудовой ссылки [до 1939 г.] из трудпосёлков бежало 637893 человек[а], задержано и водворено обратно 215445 человек (33,8%). Продолжая розыск и задержание беглецов, обнаруживаем факты, когда трудпоселенцы бежали целыми семьями и к настоящему времени благоустроены на новом месте...»².

Немногом ранее, в феврале 1939 г., руководство этого же отдела в докладной записке в ЦК ВКП (б) констатировало: «Пользуясь ослаблением режима, многие трудпоселенцы разъехались из трудпосёлков, проникли на заводы оборонного значения, электростанции и другие предприятия в краевых, областных центрах и различных городах. Снятие их оттуда и водворение в трудпосёлки встречает затруднения в связи с тем, что они работают на этих предприятиях ряд лет, приобрели квалификацию, многие сумели получить паспорта, вступили в брак с другими рабочими и служащими и обзавелись в ряде случаев своими домами и хозяйством»³.

Выдержка интересна хотя бы постановкой проблемы – слабый режим (видимо, «рук не хватает», не успевали за всем смотреть), «враги» «проникли» на режимные предприятия и т.п., а так ли это? Попробовал бы кто-то «разъехаться» без документов, без ведома комендантов шагу ступить не могли. А для того, чтобы не разъезжались в комендатурах ещё и агентура была, отслеживавшая эти процессы, в частности. Конечно же такими объяснениями просто скрывали побег трудпоселенцев, часть из которых находила своё место на свободе.

По данным В.Земскова, основанным на материалах ГАРФ, число бежавших в 1932 – 1940 гг. составило 629042 чел., из них было возвращено к местам поселения – 235120, что составило 37,38% от числа бежавших. Число «невозвращенцев» составило 393932 чел. (62,62%) – см. таблицу 1. Число беглецов в Западной Сибири все годы было очень большим. Так, в 1934–1935 гг. число бежавших в нашем регионе составило 47992 чел., т.е. более 1/3 от всех бежавших из ссылки – 36,72% (от 130687 чел.). В 1936 – 1938 гг. бежали 16026 «сибиряков», что составило 25,15% (от 63714 чел.). А в целом за 1934–1938 гг. каждый третий беглец был из Западной Сибири (32,93%)⁴.

¹ Совершенно секретная справка УНКВД по Новосибирской области об изменениях в составе трудссылки за период 1930–1943 гг. по состоянию на 1 июня 1943 г. // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945... – С. 206.

² Сопроводительная записка начальника ОТП ГУЛАГа НКВД в НКВД СССР о необходимости принятия нового Положения о трудпоселенцах от 4 марта 1939 г. // Там же. С.34.

³ Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. – 1994. – №1. – С. 128.

⁴ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960 / В.Н.Земсков; Ин-т рос. истории. – М.: Наука. С.66.

Динамика бегства спецпереселенцев в СССР в 1932 – 1940 гг.¹

Год	Всего спецпереселенцев, чел.	Число бежавших, чел. / (%)	Число возвращённых от числа бежавших, чел. / (%)	Разница между бежавшими и возвращёнными, чел.
1932	1317022	207010 / 15,7	37978 / 18,35	– 169032
1933	1142084	215856 / 18,9	54211 / 25,11	– 161645
1934	1072546	87617 / 8,17	45443 / 51,86	– 42184
1935	973693	43070 / 4,42	33238 / 77,17	– 9832
1936	1017133	26193 / 2,58	23075 / 88,09	– 3118
1937	916787	27809 / 3,03	17384 / 62,51	– 10425
1938	877651	9712 / 1,10	10939 / 112,63	+1227
1939	938552	7345 / 0,78	8290 / 112,86	+ 945
1940	997513	4430 / 0,44	4562 / 102,97	+ 132
Всего:		629042	235120 / 37,38	– 393932

Из таблицы усматривается тенденция резкого падения количества побегов, начиная уже с 1934 г., почти в 2,5 раза по сравнению с 1933 г. (в Западной Сибири число беглецов сократилось втрое). Тем не менее, Полпредство ОГПУ по ЗСК в июне 1934 г. издало приказ об усилении борьбы с побегам в связи со значительным увеличением случаев побегов. Так, в марте-апреле из Прокопьевской комендатуры бежало 308 спецпереселенцев, из коих задержано было всего 50. В Кузнецкой комендатуре число сбежавших за этот же срок составило 629 человек, а задержано 259. В Колпашевской комендатуре в связи с «систематическим невыполнением установленной отчётности» вообще отсутствовала информация о побеге. Коменданты данных комендатур были привлечены к дисциплинарной ответственности.

В связи со сложившейся ситуацией приказ требовал «работу по борьбе с бегством спецпереселенцев переключить на боевые рельсы», пересмотреть расстановку постов и мобилизовать внимание всех работников комендатур, «не допуская расхлябанности и бездеятельности в борьбе с бегством спецпереселенцев». Также предлагалось через местные органы власти привлечь к этой работе местное население, а из молодёжного актива из спецпереселенцев организовать группы содействия по борьбе с бегством².

Некоторый рост в 1937 г. (27809 чел.), по сравнению с предыдущим (26193 чел.), можно, видимо, объяснить начавшимися массовыми арестами в соответствии с приказом НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Этим же объясняют и резкое уменьшение побегов в 1938 г. (9712 чел.), т.е. почти в три раза, так как если до 1937 г. за побег осуждали по ст. 82 УК и обычным наказанием были сроки до 3-х лет лишения свободы или условное наказание, то в соответствии с директивой НКВД от 17 декабря 1937 г. дела на беглецов стали рассматриваться «тройками» с вынесением приговоров о ВМН – расстреле. В отдельных случаях ст. 82 УК могла быть заменена на ст. 58-14 – «контрреволюционный саботаж», но приговор был таким же – высшая мера наказания – расстрел.

¹ Источник: Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930 – 1954 гг.) // Отечественная история. – 1994. – № 1. – С. 124-125.

² Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933– 1938... – С.197-198.

Одновременно видна тенденция обратного порядка – рост числа «возвращённых» беглецов, а в 1938 – 1940 гг. их число даже превышало число бежавших. А всего за 9 лет указанного периода почти 400 тысяч беглецов выявлены так и не были¹.

Сокращение побегов в 1934 г. случайностью не было. В связи с тем, что поиск бежавших требовал огромных материальных затрат и отвлечения тысяч сотрудников НКВД на поиск беглецов, потребовалось принятие мер, которые могли бы сократить число побегов. Так, в частности, 9 февраля 1933 г. ОГПУ был издан совершенно секретный приказ № 0056 «О соединении заключённых исправ[ительно]-трудов[ых] лагерей ОГПУ с их семьями, высланными в порядке спецпереселения в спецпосёлки», гласивший, что «в целях уменьшения побегов из спецпосёлков и закрепления хозяйственного устройства семей спецпереселенцев, главы или трудоспособные члены которых осуждены и находятся в исправительно-трудовых лагерях ОГПУ..., соединить с их семьями, высланными в порядке спецпереселения в спецпосёлки – **независимо от срока, статьи и осуждения и времени отбытия срока** (выделено мною – В.У.) в лагерях ОГПУ». Ограничением для воссоединения могли служить: отрицательные характеристики в период отбытия наказания, совершения в это время новых преступлений, а также, если они были «замечены в контрреволюционной деятельности».

Принятие этого документа несомненно сыграло определённую роль в улучшении ситуации с побегими, так как в семьи возвращались их главы или иные трудоспособные члены, кормильцы, добытчики, чьи рабочие руки конечно же могли как-либо облегчить участь остальных.

С другой стороны, снижение численности побегов было вызвано тем, что постепенно сосланный народ начинал обживать, обустриваться, прирастать к земле, чего, кстати, власть и добивалась. Второй момент – куда бежать. На родную землю, так там всё порушено и разграблено, а в случае появления начнут снова ловить и опять вернут на «новую родину», а может быть, куда и подальше. В-третьих, как бежать. Из тайги и болот, не имея карт, компаса, по бездорожью за сотни километров – решится не каждый, вероятна смерть, а не свобода. И тут хватало «охотников за головами» – за небольшое вознаграждение. Но всегда найдутся желающие отличиться – ведь ловили не людей, бедолаг и страдальцев, а врагов народа, всего народа. Не все из возможных беглецов решались на побег по причине нежелания бросать родных и близких, испытывавших нужду, в эти трудные годы. Не надо забывать про комендантов и их помощников, всевозможную охрану, партийно-комсомольский актив и т.п., которые и полагали «хлеб» за порядок и недопущение побегов.

Таким образом, спецпереселенцы на протяжении рассматриваемого периода, будучи расселёнными в тяжелейших условиях в тайге и болотах, **испытывая тяготы и лишения, не получая реальной практической помощи**

¹ Подсчитано автором. См.: Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки»... Указ. соч. С. 124-125. В ноябре 1943 г. за подписью заместителя начальника ГУЛАГа НКВД СССР полковника госбезопасности Завгороднева была подготовлена совершенно секретная докладная записка в НКВД СССР о состоянии работы по борьбе с побегими из трудпосёлков, в которой, в частности, указывалось, что за период с 1930 г. по 1 июля 1943 г. из трудпосёлков бежало 632971 чел., а далее даны расчёты по годам, начиная с 1932 г. по указанную выше дату. Число бежавших в эти годы на 89 чел больше первоначальной цифры, а ведь ещё не были указаны данные по 1930 – 1931 гг. // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. ... С. 150-151.

со стороны органов власти, выражали свой протест массовым недовольством, в том числе в форме вооружённых выступлений и побегов с мест их постоянного расселения. В абсолютном большинстве случаев власть жестоко подавляла восстания спецпереселенцев с применением отрядов милиции, ОГПУ, воинских подразделений и вооружённых отрядов из членов партийно-советского актива. В борьбе с побегими спецпереселенцев с мест поселения также использовались все возможности правоохранительных структур и органов власти на местах, в том числе и с нарушением правовых норм. Ужесточение режима с использованием сил и средств репрессивного аппарата позволило переломить ситуацию только к середине 1930-х годов, когда резко сократилось число побегов и больше не фиксировались случаи вооружённых восстаний на территории Западной Сибири.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ БАЗ ДАННЫХ

Фоминых И. С.

Кандидат юридических наук, доцент Юридического института
Томского государственного университета

Использование компьютерных технологий в процессе расследования преступлений в настоящее время осуществляется по следующим направлениям:

1. Применение универсальных программных средств при работе с текстами, таблицами и графикой;
2. Автоматизация криминалистических учётов;
3. Компьютеризация судебной экспертизы;
4. Автоматизация процесса расследования преступлений¹.

Первое из перечисленных направлений в основном не нуждается в разработке специального программного обеспечения и его потребности покрываются использованием широко распространённых текстовых, табличных и графических редакторов.

По третьему направлению, отметим, что компьютерная техника используется, прежде всего, для автоматизации сбора и обработки экспериментальных данных, получаемых в ходе физико-химических, почвоведческих, биологических и других исследований. Такое оборудование в большинстве случаев представляет собой измерительно-вычислительные комплексы, смонтированные на базе специализированных приборов и персональных компьютеров (ПК).

Второе и четвёртое направления, с точки зрения используемого программного обеспечения, имеют определённую общность, связанную с тем, что в них очень широко применяются системы управления базами данных (СУБД). На данном этапе эти направления развиваются практически автономно друг от друга, но, в обозримом будущем, сама логика развития должна будет привести к включению систем криминалистической регистрации в программы поддержки расследования преступлений в качестве информационно-справочных подсистем.

¹ Информационные системы: Учеб. пособие / Е.В. Бурцева, И.П. Рак, А.В. Селезнев, А.В. Терехов, В.Н. Чернышов. – Тамбов, 2009. – С. 84.